

то, чего требуетъ отъ насъ Хозяинъ-Разумъ. «Надо разсчесть,—говоритъ Толстой рационалистъ,—выходно ли служить своей плоти?»—и отвѣчаетъ:—«Если бы можно было устроить жизнь своей плоти какъ хочется, тогда бы надо служить своей плоти, но какъ нельзя, то ужъ лучше оставить все плотское и служить Богу Духу. А то выйдетъ ни то, ни се: плотской жизни не устроишь и жизнь духа потеряешь».

Мыслитель вступаетъ здѣсь въ довольно циническіе расчеты о томъ, какому богу *выгоднѣе* служить: богу духу или богу плоти, и приходитъ къ выводу о выгодѣ служенія первому. Здѣсь вѣнецъ рационалистической запутанности Толстого и его противорѣчій своему возвышенному ученію. Радость постиженія и радость правоты замѣняется практическимъ расчетомъ; невозможность жить и дышать безъ Бога Духа, безъ смысла исключается соображеніями выгоды и пользы.—«Мы здѣсь какъ на постояломъ дворѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—въ которомъ Хозяинъ все, что намъ, путешественникамъ, нужно далъ, а самъ ушелъ, оставивъ наставленіе, какъ вести себя намъ въ этомъ мірѣ» Жизненная задача упрощается до усвоенія урока послушными учениками. Толстой на этомъ и настаиваетъ:—«Смысль жизни долженъ быть понятенъ человѣку, какъ понятно